

Шолохов М.

4.2.92.

Маск. правда. -1992. -Февр.

СЕНСАЦИЯ

Неизвестный «Тихий Дон»

Предлагаемая сегодня вниманию читателей неизвестная глава романа «Тихий Дон» Михаила Шолохова создана автором в декабре 1926 года. Тогда в тиши станицы Вешенской он заканчивал первую часть эпопеи. Эта глава — небольшая, как и предшествовавшая ей глава, где рассказывается о венчании Григория и Натальи. Значится в черновых рукописях под № 24. В ней описывается первая брачная ночь молодых...

Однако после того, как автор вслед за первой на бешеной скорости сочинил вторую часть романа, а случилось это в начале 1927 года, Михаил Шолохов занялся, по его словам, «переработкой», то есть их редактированием. Вот тогда-то писатель решил создать другой финал и написал на шести страницах «Вставную главу к гл. 24», тот самый, что известен каждому читателю «Тихого Дона». В нем живописует разгульная казачья свадьба.

Шолохов размышлял над судьбой этой первоначальной 24-й главы. След этого раздумья сохранился на полях рукописи в виде пометки: «Переместить?». Но не сделал этого перемещения, а распорядился текстом иначе. Сократил, как волен поступать творец. При этом автор произвел некоторую перепланировку, объединил, в частности, две предшествовавшие главы в одну, в результате чего последняя «Вставная глава к гл. 24» стала в окончательной редакции главой XXIII.

Вся эта заключительная творческая операция проделана была 28 марта 1927 года, когда завершилось также редактирование обеих частей эпопеи, о чем также есть пометка на полях. То был знаменательный день в жизни молодого литератора, когда он не только сочинил финальную главу, но и закончил тем самым переработку обеих частей романа.

Есть на полях и другие даты: самая ранняя относится к 6 ноября 1926 года. Как раз в тот день Михаил Шолохов положил перед собой пронумерованную пачку листов белой бумаги, решил начать свой тяжкий труд. Но из этого ничего тогда не вышло, по всей видимости, из-за праздника, девятой годовщины революции. Дата эта перечеркнута, а все пошло-поехало с 8 ноября. Автор каждый день, когда садился за письменный стол, обозначал даты на полях и поступал так до 28 ноября, успев заполнить текстом за три недели 46 большеформатных страниц с обеих сторон листа. Писал чернилами. Но после 28 ноября чернила, очевидно, кончились, в ход пошел тонко отточенный карандаш, и даты исчезли. Но и по тем данным, что есть, видно, как стремительно протекал бурный творческий процесс, как всего за пять месяцев родились вчерне две части романа. Всего их в эпопее — восемь.

Почему я так подробно останавливаюсь на этих деталях? Да потому, что в периодической печати, газетах, журналах не утихает по сей день дискуссия о «Тихом Доне». В истории русской литературы нет другого такого случая, чтобы авторство столь выдающегося романа оспаривалось бы так долго и с такой яростью, как при жизни сочинителя, так и после его кончины. Напомню, что первый раскат грома прогремел над головой юного романиста весной 1929 года, когда в Москве вышли в свет первые две книги (тома) эпопеи, получившей всеобщее признание. Такой авторитетный тогда критик, как Анатолий Луначарский, поставил «Тихий Дон» в один ряд с «Войной и миром». Роман начали переводить на многие языки. А создал гениальный роман мало кому известный житель станицы, 23-летний литератор, не окончивший и 5 классов гимназии, да к тому же член «афиозной Российской ассоциации пролетарских писателей, известной своим экстремизмом больше, чем творческими достижениями.

Молнии той грозы, начавшейся так давно, и сегодня расщепают небосклон литературоведы. Один из самых сильных ударов прогремел недавно на страницах журнала «Родина», где всеми уважаемый академик Д. Лихачев отвечал на вопрос корреспондента: «Была ли Россия под наркозом?» (Имеется в виду наркоз сталинизма). Сносила ли страна покров унижения, который ее подверг режим большевиков? Академик, бывший узник лагеря, справедливо ответил, что нет, Россия не находилась под наркозом, привел примеры героического сопротивления гнету. Цитирую:

«Подтверждение этому — крестьянские восстания, лагерные бунты. Народ сопротивлялся террору, объявленному в восемнадцатом-девятнадцатом годах, как мог... И анекдоты, бытовавшие в народе, были гласом народа, своеобразным протестом, насмешкой. Сопротивлялась и печать. Скажем, вопрос об авторстве «Тихого Дона» в двадцать восьмом году стоял не менее остро, чем стоит сейчас (подчеркнуто мною. — Л. К.). Так что утверждаю, наркоза не было, а был террор против народа».

Вот в каком неожиданном ряду появляется роман «Тихий Дон»!

Что явствует из этих слов академика? А то, что крестьянские бунты, восстания, анекдоты, разные формы сопротивления ненавистному режиму он ставит в один ряд... со слухами о плагиате Михаила Шолохова. Неприятие авторства таким образом расценивается как способ народного протеста власти.

В 1929 году (а не в 1928-м, как утверждает академик) действительно появились слухи о плагиате. Они циркулировали в литературных кругах разных больших городов, но не в печати, а в разговорах, переписке, в частности, письмах Максима Горького. Пришлось ошеломленному молодому автору отложить все дела и с рукописями, черновиками и беловиками двух первых опубликованных книг ехать за правдой в Москву. Материалы свои он предоставил комиссии, которой руководила М. И. Ульянова, сестра Ленина. В то время по долгу службы она занималась разбором разных серьезных конфликтов, жалоб. Шолохов привез в Москву две папки рукописей, около 1.000 страниц, корпус «Тихого Дона», в том числе черновики изначальной версии романа, датируемой на полях рукописи «1925 год. Осень». Как раз в том счастливым для писателя году после выхода двух книг рассказов и повестей вдохновенный первым успехом Михаил Шолохов решил взяться за большую форму — роман. Но первая попытка не удалась.

Члены комиссии, в число которых входили писатели А. Серафимович, А. Фадеев и другие, ознакомились с рукописями и убедились в нелепости слухов. Вслед за тем в марте 1929 года появилось опровержение выдумок относительно плагиата Шолохова. Но этому опровержению не все поверили. В числе не поверивших, как выясняется только теперь, оказался и знаменитый ныне литературовед Дмитрий Лихачев, «некоторые другие питерские и московские авторитеты в области филологии».

Теперь становится ясно, почему именно в Ленинграде несколько последних лет с экрана телевидения молодой литературовед в компании с агрессивными ведущими рьяно доказывали, что Шолохов никак не мог быть автором «Тихого Дона». Эти два телепрокура, по всей видимости, чувствовали моральную поддержку заслуженных наставников: академик не одинок в признании Шолохова. В авторстве последнему отказывает и Солженицын. Становится понятным и то, почему именно литературовед И. Медведева-Томашевская, жена известного питерского пушкиниста, в середине шестидесятых годов после присуждения писателю Нобелевской премии приступила к монографии под названием «Стремя «Тихого Дона» с конечной целью доказать — роман написан неким другим автором: более образованным, более опытным, более враждебным к советской власти. Михаилу Шолохову отводилась роль соавтора, редактора, компилятора, одним словом — плагиатора.

Приступая к теме, И. Медведева-Томашевская не имела под рукой рукописей «Тихого Дона», которые мне удалось обнаружить и изучить в Москве, в частном архиве. Она препарировала опубликованный текст, причем делала это крайне субъективно, в сущности подгоняя решение под заранее известный ей ответ, как это продлевают в школе нерадивые ученики. И глубоко ошиблась.

Незавершенная монография эта попала в руки А. Солженицына, который издал ее в 1974 году в парижском издательстве «Имка-Пресс». Так был заложен краеугольный камень антишолоховедения. По проложенному пути устремились другие литературоведы, полагавшие, что изначальных рукописей «Тихого Дона» — нет в природе, поскольку якобы Шолохов просто их переписал и уничтожил. Подкоп вели не только литературоведы. Так, Рой Медведев, известный в прошлом диссидент, сочинил объемистый труд «Куда течет «Тихий Дон»?», издав его на английском и французском языках за границей. Он также анализировал только опубликованный текст, допустил при этом множество ошибок и пришел, как И. Медведева-Томашевская, к столь же абсурдному выводу, хотя и признается, что доказать свою гипотезу с «абсолютной точностью» не может. Этот исследователь по сей день убежден, что «Тихий Дон», конечно же, течет не в сторону станицы Вешенской, а в стороне всего в станицу Глазуновскую, где жил писатель Федор Крюков, умерший в начале 1920 года.

На эту же роль — автора романа выдвинул Федора Крюкова и Александр Солженицын, который дополнил монографию И. Медведевой-Томашевской написанной им биографией этого донского литератора. Не исключал Солженицын, что автором «Тихого Дона» мог быть и другой «публично непрозрачный... еще один донской литературный гений», которого якобы большевики расстреляли на Дону. Он же допускает, что автором романа мог быть и... тесть Шолохова, станичный атаман Громославский.

Замалчивавшие много лет любые антишолоховские выпады наши средства массовой информации в последнее время сняли запрет с темы. «Вопросы литературы» обнародовали даже фрагмент из давней монографии Роя Медведева, затем главу из сочинения ярого врага Шолохова ростовского филолога М. Мезенцева, который без всякого сомнения утверждает, что именно Федор Крюков автор «Тихого Дона». В своем отрицании Шолохова этот неистовый автор заходит так далеко, что даже рассказ «Судьба человека» делает производным от неких крюковских сочинений!

Это третья известная мне монография. Четвертую сочинил зев бывший соотечественник Зев Бар-Селла, который совместно с Майей Каганской прозел собственное расследование. На русском языке в израильском журнале «22» и рижском журнале «Даугава» напечатаны главы из этой монографии. Кто же здесь выступает автором «Тихого Дона»? Цитирую:

«Истинный автор романа «Тихий Дон» нами установлен. Вот некоторые сведения о нем: донской казак по происхождению, учился в Московском университете, автор двух (кроме «Тихого Дона») книг. Расстрелян красными в январе 1920 года в городе Ростове-на-Дону. В момент гибели ему еще не исполнилось тридцати лет».

Как видим, это не пожилой маститый Федор Крюков, умерший от болезни, а какой-то другой, «публично не проявленный... еще один донской литературный гений». Анализируя один и тот же текст, антишолоховеды приходят к разным выводам, приписывают роман разным авторам. Это еще одно свидетельство того, что все они глубоко заблуждаются.

Наконец, еще одно неопубликованное сочинение о плагиате принадлежит трем московским авторам, чью монографию представляли в эфире уже упомянутые нами два ведущих телепрограммы, где проходит понине невиданная антишолоховская кампания. Хотя длится она долго, зрителям так и не показаны обещанные автографы, доказывающие плагиат. Мы их так и не увидели, а вот лица ведущих хорошо запомнились, как и их изощренная и выпященная клевета, к сожалению, проникшая в сознание множества не искусшенных в литературе людей. Я бы мог назвать и других знатоков, которые недавно пошли по следу, проложенному И. Медведевой-Томашевской и Роем Медведевым. Их статьи появились недавно в разных изданиях: «Литераторе», «Русском курьере», «Независимой газете»...

Да, так не хочется отдавать «Тихий Дон» Михаилу Шолохову, что даже не жалеют годы жизни, чтобы доказать недока-

Михаил Шолохов
«ТИХИЙ ДОН»
Роман
Часть первая
Глава 24

«Гуляли четыре дня. Вызвали стекла мелеховских куреней от песенного зыка, пляса, рева. Дарья, похуевшая и желтая, прогуляв ночь, чуть свет вскакивала к печке, стряпала, гоняла качавшуюся от недосыпания Дуняшку. У крыльца валялись перья резанных кур и уток, неметеный двор зеленел раскиданными объедками сена, наскоро выданные коровы уходили в табун, покачивая тугими вымями. Пахло в комнатах мелеховских куреней перегорелой водкой, табаком, спертым человеческим духом».

Григорий в первую ночь проснулся на заре. В ставенную щель сукровицей сочился окровавленный зарю свет. На подушке, разметав кося, спала Наталья. Руки заскнуты выше головы, под мышками в впадинах рыхие (наивные — зачеркнуто. — Л. К.) курчавые волоски. Ноги под одеялом скрещены крепко-накрепко (как с вечера — зачеркнуто. — Л. К.), изредка стонает.

Григорий вспомнил, как просила она не трогать ее, сыпала скороговоркой жалкие, тусклые слова, плакала, и отчего-то искрой на ветру угасла радость.

Не было прежнего самодовольства, как раньше, когда сильным овладевал где-нибудь на гумне или в леваде облюбованной и заманенной туда девкой. Вспомнил: в прошлом году на мо-

После этих слов поставил автор, как ему тогда казалось, последнюю точку первой части «Тихого Дона». Что подтверждают авторские слова ниже:

Часть вторая

×	50
×	35
	250
	150
	1750
×	80
	140.000 40
	120
	20

Что значат эти цифры?
50 — число строк на одной странице, 35 — число печатных

знаемое. Не хочет этого не только литератор М. Котлярский, но и такой всемирно известный писатель, как А. Солженицын. В эпопее «Красное колесо» несколько глав одного из «Узлов» посвящены жизнеописанию и «запискам» писателя Федора Крюкова. Как раз из-под пера этого героя вышла «...Поэма в прозе и с названием, наверное, самым простым — «Тихий Дон»...

Так вот, упомянутые и не упомянутые отечественные и зарубежные опровергатели Шолохова заблуждаются, полагая, что «Тихий Дон» написан кем-то другим, начиная от известного донского атамана Краснова, кончая безвестным станичным атаманом Громославским, от реального писателя Федора Крюкова до вымышленного Федора Ковынева, «робкого Феди», так любезного сердцу автора «Красного колеса».

Да, рукописи не горят! Сохранился не опаленный войной московский архив писателя, есть в природе черновые листы, отразившие муки творчества, есть лаборатория чародея, давшего миру гениальный роман. Есть! Около тысячи страниц черновиков и беловиков пяти частей, составляющих две книги «Тихого Дона». Они — в Москве, в частном собрании. А рукописи третьей и четвертой книг похитятся в архиве «Пушкинского дома».

Черновые листы, пронумерованные Михаилом Шолоховым, №№ 75 и 76, где уместилась 24-я глава первой части «Тихого Дона», публикуются сегодня. Два года «Литературная газета» и редакции «толстых журналов» одна за другой давали от ворот поворот этой главе. Пять лет не могу опубликовать рукопись книги «Кто написал «Тихий Дон?»».

Не заинтересовала она парижское издательство «Имка-Пресс», взявшее на себя первый грех — заложившее краеугольный камень антишолоховедения. Не приняла рукопись в столичном «Московском рабочем», где впервые вышел великий роман... У одних государственных издательств нет бумаги, у других — «планы забыты», у третьих — аллергия на «сталиниста» Шолохова, четвертые не хотят оспаривать мнения таких авторитетов, как Д. Лихачев и А. Солженицын.

Когда-то Ленин требовал, чтобы литература стала частью общепролетарского дела. Как видим, мысль вождя хорошо освоили в кабинетах наших писательских изданий, где найденная шолоховская рукопись рассматривается нежелательной, неким тормозом, помехой заведенному так давно антишолоховскому клеветническому «делу», явно неправому делу.

Но истина сильнее любых авторитетов, даже очень уважаемых, если они заблуждаются.

Поедем (Фрося — зачеркнуто. — Л. К.), Нюрушка.

— Не поеду с тобой.

— А что?

— Безобразишь джоже.

— Не буду, ей-богу!

— Отвяжись, а то отцу докажу.

Подстерег, когда спала в амбаре одна, пришел. Нюрка вскоčila, забилась в угол. Тронул рукой — завизжала хрипло и дико. Сбил с ног подножкой, побаловался и ушел. Испортил девку почином. С той поры стала ходить к ней хуторские ребята, друг другу рассказывали, смеялись. Подговорил Гришка Митьку Коршунова как-то вечером, увели за гумно Нюрку, избили и завязали над головой подол юбки. Ходила девка до зары, душилась в крике, каталась по земле и вновь вставала, шла, натыкалась на гуменные плетни, падала в канавы... Развязал ее ехавший с мельницы старик. Хуторские все глаза протерли. Пускай, мол, подождет Нюркина мать сватов. Смеялся Гришка над тогдашней своей проделкой, а теперь вспомнил (доверчивые — зачеркнуто. — Л. К.) ласковые навывкате Нюркины глаза и заворочался на кровати, до боли хлестнутый стыдом».

знаков в строке. Их умножение дает 1750 знаков на странице. Далее, переменная число печатных знаков одной страницы на округленное число страниц рукописи — 80, Михаил Шолохов высчитал общее число печатных знаков рукописи — 140.000. Разделив их на 40 тысяч — число знаков одного печатного листа, получил ответ — 3 печатных листа (20 тысяч знаков, половина на печатного листа, в остатке). Таков примерно объем первой части «Тихого Дона».

Однако после этой 24-й главы Михаил Шолохов сочинил, как уже рассказывалось, «Вставную главу к гл. 24». Она и стала завершающей. Ее прочесть может каждый, раскрыв финал первой части.

Публикация
Льва КОЛОДНОГО.